

Научная статья

УДК 908

DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_122

В ЗАЩИТУ ГИДРОНИМОВ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ НЕ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Валерий Дмитриевич Березуцкий¹

*Воронежский государственный педагогический университет¹
Воронеж, Россия*

¹Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ORCID ID: 0000-0001-8336-62-83, тел.: (473) 255-14-78, e-mail: berezytski1@rambler.ru

Аннотация. Топонимика, а в ее рамках гидронимия, являются важнейшим инструментом познания исторического прошлого посредством расшифровки топонимов (гидронимов), дающих информацию об этносах, населявших край в древности. На этом пути существует немало трудностей, преодоление которых должно осуществляться при помощи комплексного подхода – использования достижений истории, географии и лингвистики. В последнее время усилился интерес к гидронимам Воронежского края. Он связан с пересмотром устоявшихся взглядов на этимологию ряда гидронимов в сторону поиска славяно-русских этимологий вместо устоявшихся ираноязычных, финно-угорских, тюркских соответствий. Действительно, ряд типично русских слов в названиях гидронимов неоправданно относился исследователями к иноязычным основам (Воронеж, Усмань, Тишанка и др.), и такой пересмотр оправдан и необходим. Вместе с тем, эта работа не должна приводить к излишне категоричным суждениям в сторону непременно славяно-русского соотношения этимологии гидронима, в особенности там, где этимология гидронима является спорной и славяно-русские соответствия вовсе не очевидны. В качестве примера рассмотрены гидронимы Воронежского края – Хава, Хопер, Карачан.

Ключевые слова: Воронежский край, топонимика, гидронимы, история, география, лингвистика, этимология, тюрки, ираноязычные племена, финно-угры, славяно-русские соответствия.

Для цитирования: Березуцкий В.Д. В защиту гидронимов Воронежского края не славяно-русского происхождения // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 122–130. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_122.

Введение

Воронежский край имеет давнюю и насыщенную событиями историю. Его в различные времена населяли самые разные племена и народы, оставившие свои названия географическим объектам – ираноязычные, финно-угорские, тюркоязычные, славяно-русские. Расшифровка топонимов является нелегкой, но важной научной задачей исследователей, которая позволяет выйти на уровень исторических реконструкций в истории заселения края. Известны на этом пути и многочисленные трудности, не позволяющие во многих случаях решить задачу расшифровки топонима: языковые изменения во времени, из-за чего возникают сложности выявления первичной основы топонима, искажения пришлым населением существовавших названий на свой, понятный ему лад так, что первоначальное слово зачастую трудно уловимо либо неуловимым становится вовсе и т.д.

Важнейшее достижение топонимики – установление того факта, что названия географическим объектам не давались походя, случайно (вроде «Ехал Петр I...» и далее с различными вариантами народной этимологии). Топоним – отражение особенностей географического объекта, его характерных черт. Именно в таком варианте он становился нужным и важным для географической ориентации в пространстве народа, давшему ему имя, будь то общество охотников и рыболовов, кочевников или земледельцев.

Воронежской топонимии посвящены многочисленные работы. Среди них исследования Е. Болховитинова, В.П. Загоровского, В.А. Прохорова, В.А. Семушкина, П.А. Попова, С.А. Попова, Ф.Н. Милькова и др. Получили также развитие вопросы микротопонимии, обозначенные в трудах Г.Ф. Ковалева, Т.В. Толбиной, Э.О. Пархоц, Л.Н. Верховых, В.Ф. Филатовой, П.А. Попова, С.А. Попова, Чэн

Цзыди и др. В журнале «Известия Воронежского государственного педагогического университета» постоянно публикуются статьи, связанные с особенностями развития языка [см., к примеру: 1]. Благодаря топонимическим исследованиям все меньше места остается для вольных и поверхностных суждений, получают новое прочтение, казалось бы, давно устоявшиеся или неясные топонимы. Особо следует отметить достижения П.А. Попова в определении языковой принадлежности таких спорных гидронимов края, как «Воронеж» и «Усмань». Кажется, многолетним дискуссиям об этимологии этих гидронимов пришел конец: данные П.А. Поповым подробные разъяснения, по-видимому, удовлетворят самого взыскательного критика [18].

Результаты

В своем капитальном труде П.А. Попов затронул другой важный вопрос, получивший повторение и развитие в недавно вышедшей работе автора [19]. Речь идет о необходимости, с его точки зрения, отказаться от объяснения ряда гидронимов Воронежского края с иранского, тюркского языков, а «в отдельных случаях можно совсем отказаться от тюркских этимологий» [19, с. 86].

В этом начинании автора стоит поддержать. Верно, что в ряде случаев хорошо читаемое славяно-русское слово почему-то объясняется с иранского, финно-угорского, либо тюркского языков, хотя оно хорошо читается и понимается по-русски. Далеко за примерами ходить не надо. В Таловском районе Воронежской области протекает небольшая речка Тишанка, впадающая в Битюг (левый приток Битюга). Трудно объяснить, почему этимологию такому распространённому русскому слову В.П. Загоровскому нужно было выводить от тюркского «ташан», что значит «изобильная» [5]. На эту странность обратили внимание И.В. Крюкова и В.И. Супрун, отмечая, что в Волгоградской области, да и во всей России немало рек с таким названием, в котором читается медленное спокойное течение реки [8, с. 78]¹. Заметим, что русское прочтение гидронима «тихая» в полной мере соответствует очень спокойному, едва видимому течению совсем небольшой заросшей речушки. Между тем, требуется приложить немало усилий для понимания того, какое изобилие несет тюркское «изобильная». Чем для тюрков «изобильной» могла быть небольшая, затерявшаяся в зарослях речушка? Ответ представляется очевидным – ничем.

Вместе с тем П.А. Попов в стремлении развить свои идеи, расширить базу гидронимов в сторону славяно-русских этимологий, а в итоге сократить ирано-тюркскую, финно-угорскую языковую базу, становится в ряде случаев излишне категоричным в трактовке тех гидронимов, которые вовсе не дают оснований для однозначного толкования в пользу славяно-русской версии. Обратим внимание на эти гидронимы.

Хава. Этимология гидронима «хава» оказалась сложной для историков. В.П. Загоровский писал, что «хава» – слово тюркское и имеет много значений, но сам склонился к версии понимания слова

как «воздух, погода, климат». При этом автор, ссылаясь на В.В. Радлова, отметил, что у него указываются такие дополнения к «хаве», как «ачык-хава» («ясная погода, ясное небо»), «саф-хава» – «чистый воздух». В.П. Загоровский полагал, что, возможно, и у воронежской «хавы» было дополнение, какое-то слово, потерянное во времени [6, с. 122-123].

Однако прочтение гидронима В.П. Загоровским не встретило поддержки у исследователей, которые отмечали, что «такое значение (слова. – В.Б.) не продуктивно в топонимии» [12, с. 163], либо представляется «совсем невероятным» [19, с. 86]. Действительно, гидроним должен нести не абстрактные, а конкретные ассоциации, тесно связанные с характером географического объекта. Трудно согласиться и с мнением В.А. Прохорова, выведившего «хава» из тюркского «хавуз» – «бассейн, пруд» [22, с. 61]. В источниках такого слова нет, а речка Хава не подходит под эту характеристику ни с какой стороны.

П.А. Попов пошел по пути поиска этимологии гидронима «хава» в русском языке и выводит ее от слова «ховать» («прятать», «прятаться»), полагая, что это в полной мере согласуется с «неширокой малозаметной речкой в степи», которая «ховается», т.е. «прячется». Название могло возникнуть в XVI или XVII вв. при освоении края («но нельзя исключить и XI–XII вв.») [19, с. 92]. Отметим, что слово «ховать» присутствует в словарях русского языка. В словаре В.И. Даля «ховать» – «хоронить, прятать, хранить», «припрятать воровски» [4, с. 507], в словаре М. Фасмера в значении «прятать», «хранить», а также «беречься», «держаться» [25, с. 252].

Однако в этом вопросе остается много неясностей. Автору этих строк неоднократно приходилось бывать на р. Хава. Здесь проводились археологические исследования экспедиции Воронежского государственного педагогического университета в течение нескольких лет, по причине чего приходилось находиться на р. Хава в различных местах ее течения. В связи с этим необходимо заметить: р. Хава «прячется» не больше и не меньше остальных небольших рек Воронежского края. У нее выраженная пойма, видно незначительное течение и пусть местами она поросла рогозом и тростником, как и многие небольшие речушки, каких-либо выдающихся «ховательных» свойств речки не наблюдается.

Интересно посмотреть, как на происхождение названия р. Хавы смотрели в XIX в., поскольку с того времени сохранились легенды, связанные с рекой и попытки объяснить происхождение названия. Вот «Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии» 1884 г.: «О названии же реки народные предания различны. По одному сказанию, что в этой местности лет тому 180–200 назад, здесь были непроходимые леса, в которых скрывались разбойные шайки: разбойники эти срывали награбленное ими, или по местному говору «ховали» среди непроходимых лесов в курганах... (подчеркнуто нами. – В.Б.). По другому сказанию, Хава – заимствованное название от того, что татарская царевна Хава утонула в реке...» [24, с. 272-274].

¹ Как тут не вспомнить прозвище царя Алексея Михайловича (1645–1676) – Тишайший.

Оставим в стороне «непроходимые леса», которые вряд ли изобиливали в остепненной местности 180–200 лет назад, как и промышлявших грабежом легендарных разбойников, но обратим внимание: слово «ховать» (по тексту «ховали») относится не к реке, а к курганам, в которых разбойники прятали награбленное. Интересно также, что в другом варианте явно видно, что местные жители не знают происхождение слова «хава» и связывают его с татарской принцессой Хавой. Если это русское слово («хава» = «ховать», «ховаться»), то непонятно, каким образом и зачем русское население края объясняет этот гидроним с точки зрения его происхождения от татарской принцессы, утонувшей в реке, но не от ее особенностей «ховаться»?

В этом же источнике при характеристике церкви в Успенской Хава к легенде есть дополнение несколько в ином варианте: «У хана была единственная дочь Зора, необыкновенной красоты. Случайно встретилась в лесу с сыном московского вельможи боярином Владимиром, полюбила и решила бежать в Москву. Но ночью, переходя в бурю и дождь по мостику из узких жердей, утонула. Хава – значит дева...» [24, с. 287].

О «татарском» варианте этимологии слова «хава» узнаем в более раннем источнике XIX в. – известной работе Е. Болховитинова 1800 г.: «Слово Хава на татарском языке значит девица, и есть предание, что по сей реке, лежащей в татарской Нагайской степи, кочевала с Ордой своей в конце 16 и начале 17 столетия одна храбрая татарская принцесса, дочь знаменитого некоего Нагайского князя; от коей получила имя свое и река» [2, с. 178].

Здесь мы не затрагиваем вопрос об исторических реалиях сказаний. Вопрос в том, как в них понимается население гидроним «хава». Как видим, он не понимается в форме «речка, которая прячется». Местное население никак не ассоциирует слово с русским «ховаться», а относит его либо к «хованию» награбленного разбойниками в курганах, либо связывает его с татарами и именами их принцесс. Замечание в связи с этим: в тех селениях, которые нам удалось посетить в период работы археологической экспедиции в Верхнехавском районе (села Плясоватка, Верхняя Хава, Сухие Гаи, деревня Таловая) местное население и в настоящее время не ставит знак равенства между р. Хава и словом «ховаться». Воспроизводятся и сегодня прежние варианты: здесь когда-то «ховали в курганах золото», вариант с утонувшей татарской принцессой Хавой, от которой получила название речка, либо (редко) «раньше люди тут любили хавать много» (есть, питаться. – В.Б.).

Интересная и продуктивная мысль принадлежит В.А. Семушкину по поводу происхождения слова «хава». Он признает «тюркский вектор колонизации в Подонье и Поднепровье», и что в случае со словом «хава» («ховать» – прятать), мы имеем дело не с чем иным, как с народной этимологией (подчеркнуто нами. – В.Б.) [23, с. 15], т.е. попыткой непонятное русским иноязычное слово объяснить словом русским и понятным.

Нельзя не упомянуть также, что еще В.П. Загоровским выяснено, что первоначальный вариант

слова «хава», упоминаемый в документах о сторожевой службе XVI в., употреблялся в форме «гава» [6, с. 122]. П.А. Поповым этот вариант почему-то никак не рассматривается. Написание слова в варианте «гава» дало основание А.П. Медведеву отнести гидроним к древнеиранскому «gau», что переводится, как «скот», т.е. место, область для скота [10, с. 143], что наилучшим образом соотносится с открытыми остепненными пространствами, где протекает речка. В таком случае появление названия реки нужно относить ко времени обитания в лесостепном Подонье ираноязычных племен скифского времени (VI–IV вв. до н.э.), либо ираноязычных сарматов (II в. до н.э. – III в. н.э.), которые могли использовать остепненные пространства нынешних северных районов Воронежского края для выпаса скота. Правда, А.П. Медведев, по нашему мнению, неоправданно относит к древнеиранским гидронимам вслед за Хавой Мазу и Усмань.

Обратим внимание, что авторы, оставившие написание названия реки Хава в форме «Гава», вряд ли исходили из необходимости исказить русский язык таким образом, чтобы русское слово, означающее «ховать», «ховаться» стало столь неузнаваемым. Опять приходим к выводу: слово это изначально было нерусским и последующее его изменение тоже нерусского происхождения. А трактуется оно в русской форме, как результат народной этимологии.

В связи с рассмотрением этимологии слова «хава» нельзя не затронуть другую сторону поиска этимологических соответствий. Речь идет о попытке краеведа М.Н. Небольсина вывести название гидронима из иудейского языка, на котором говорили хазары (создатели Хазарского каганата). Оставим вопрос о присутствии самих хазар, как этноса, в Донской лесостепи в Воронежском крае (наличие в лесостепном Подонье алан и болгар, как основного населения каганата, доказано наукой). Это отдельный и непростой вопрос. Но обратим внимание на распространение этого, будто бы исключительно «иудейского», слова.

Действительно, в Библии (книга Бытия, гл. 3, стих 20) говорится об изгнании Адама из рая и далее: «И нарек человек имя жене своей Хавва, ибо она была матерью всего живого». По представлениям хазар (уточним, по представлениям М.Н. Небольсина) воды реки с таким названием давали «жизнь всей округе». Автор полагает, что на р. Хава находился город хазарский, от названия которого и пошло название реки [14, с. 224–226].

Надо сказать, что слово «хава» распространено. И не только у иудеев, но и мусульман, где Хава – первая женщина, первая мусульманка и супруга первого пророка Адама. Она является символом и первой представительницей женской части человеческого рода, источником продолжения всего людского рода. Ее имя также означает «источник жизни». Существуют суждения, что слово «хава» связано также с цветом кожи.

М.Н. Небольсину больше понравилась иудейская версия. Только остались в стороне от поиска истины вопросы: с какой такой стати небольшая, ничем непримечательная речушка Хава стала «источником жизни» для целого народа и на эту роль не нашлись

более солидные источники воды? Каким образом, вопреки законам топонимики речку назвали именем человека, а название города хазар перенеслось на реку, а не наоборот, причем с таким мировым знаковым библейским именем? Кстати, о городе. Никакого города на р. Хава нет, как нет какого-либо письменного свидетельства наличия его здесь. Археологические разведки по р. Хава привели только к находкам керамики эпохи бронзы II тыс. до н.э. М. Небольсину же известно, что город хазарский построен на р. Хава «одним из хазарских наместников» (!) недалеко от с. Рождественская Хава. Этого указания автору исторических фэнтези показалось мало и вот: «Вокруг основных построек, являвшихся сосредоточением жизни в округе, группировались все остальные строения. Следует отметить, что почти все они были деревянными или глинобитными» [14, с. 225].

Недавно М.Н. Небольсин переименовал слово «Усман у Черной воды» в город Карасу (по его мысли, но не историческому источнику р. Усмань ранее называлась Карасу). После боев за город между ордынцами и русскими он был уничтожен, а реку «в память о тех кровавых событиях» назвали именем военачальника – эмира Османа [15, с. 57-64]. П.А. Попов воспринял эти достижения автора, как «новую мудреную сказку» [19, с. 88].

Если М.Н. Небольсин решил открыть такое направление в литературном творчестве, как «воронежское фэнтези», то автору хотелось бы пожелать написать об этом, предваряя свои произведения. Чтобы читатель, погружаясь в псевдонаучные темы, мог заранее представить себе, с чем и кем он имеет дело.

Хопер. Интересной и нележкой оказалась этимологическая судьба еще одного гидронима – р. Хопер. Большинство исследователей, историков и просто любителей истории при выяснении этимологии слова «хопер» ссылаются на толковый словарь В.И. Даля, в котором слово является русским и где буквально написано: «хопер» – «притон диких гусей?» [4, с. 312]. Приверженцем этого взгляда стал и П.А. Попов². Странники происхождения слова «хопер» по В.И. Далю обыкновенно не обращают внимания на знак «?», который стоит у автора после предполагаемой этимологии слова. П.А. Попов не пропустил знак, но никак его не прокомментировал. Зачем поставлен этот знак? А поставлен он потому, что и сам В.И. Даль не был уверен в таком определении, которое он привел. И к этому есть основания. Автор пояснил в «Напутном слове» к своему «Толковому словарю», что вопросительный знак поставлен у всех слов, правильность или даже само бытование их в том виде, как они написаны, сомнительны. А из этого следует, что замечание В.И. Даля в полной мере относится к значению слова «хопер», как «притон диких гусей».

П.А. Попов обратил внимание лишь на тот факт, что «Хопер доныне отличается множеством озер с водоплавающими птицами. Есть они и вблизи устья, которое часто служило главным ориентиром для выбора названия». Он также указал на поддержку русской версии В.Д. Бондалетовым [19, с. 90]. Действительно, в грамоте митрополита Алексия в 1353 г. слово употребляется во множественном числе «по Великую Ворону возле Хопор». Этот вариант ничего не добавляет к пониманию слова, а только пополняет список других его вариантов, которые содержатся в русских же источниках, где Хопер называется Хопорть, Похорть, Похор, Похорь, Копорь, Копорть. В чем причины искажения русского слова русскими же до неузнаваемости (если, конечно, русского)? К примеру, в известном документе «Хождении Пименовом» (конец XIV в.), подробно рассмотренном А.А. Шенниковым, в одном списке «Хождения» читаем «Похор», в другом списке этого же документа вместо Похор – Хопор [27, с. 25]. Переписчики явно не знают, как писать слово.

Е.С. Отин не согласился с мнением И.Г. Добродомова о тюркском происхождении слова «хопер» («кцър» – мост) (этимология действительно сомнительная, поскольку не связана с какими-либо географическими особенностями реки) и склонился к славяно-русской версии происхождения гидронима, взяв для анализа лишь один вариант – Похорь, который, по его мнению, имеет следующее происхождение. Слово «хопер» связано с перестановкой звуков (метатезой, которая, по Е.С. Отину, редко, но встречается) в варианте Похорь (от славянского корня «пхъ» – толкать, быстро течь): «Этот полноводный приток Дона и сейчас имеет ровное и быстрое течение, что, возможно, и отразилось в первоначальной семантике данного имени» [17, с. 142-143]. Заслуживает внимания взгляд автора на родство метатезы Похорь с русскими же словами – Пахра, Пахорка, Пеховка в бассейне р. Москва. А также сюжет о том, что украинское население низовых донских станиц называли верховых казаков «пихрой», «пихряками» (по-видимому, огласовка варианта Похра). Вместе с тем, И.В. Крюкова и В.И. Супрун полагают, что эта перестановка звуков, возможно, произошла в самих списках-записях [8, с. 78].

Вполне возможно, что Е.С. Отин прав. Но оговоримся: в варианте происхождения Похор (Похорь) от Хопер. Но как быть с другими вариантами и обратной метатезой (из Похор, Похорь) снова в Хопер? И опять нет ответа на вопрос о причинах столь многочисленных вариаций, вроде бы, русского слова. Волей-неволей напрашивается предположение: авторы русских слов Пахра, Пахорка, Пеховка переделали непонятное «Хопер» в понятное «Похор» (Похорь)³.

Были попытки выяснить происхождение слова «хопер» с древнеиранского языка. Так, А.И. Соболевский выводил его от иранского «ху» («hu») – хорошо, «регена» – полный. М. Фасмер в ответ на это

² Здесь П.А. Попов, говоря о расширении сторонников славяно-русского варианта прочтения слова «хопер» (следуя версии В.И. Даля) употребил не совсем корректное слово «побеждать» [19, с. 90]. Вряд ли этот термин носит научный характер.

³ Однако мнение о русском происхождении слов Пахра, Пахорка, Пеховка не единственное. Существуют взгляды на финно-угорское их происхождение (от корня «яхр», «ягр», «ахр») в значении «озеро», «река, вытекающая из озера» [3, с. 437; 21, с. 343].

– из русского «хопить» – хватать, тащить, влечь [25, с. 261]. В.А. Никонов же признал доводы М. Фасмера неубедительными и сделал вывод: «Вероятно, первоначальная форма подверглась слишком большим изменениям» [16, с. 456]. Подобный вывод более всего приемлем для первоначальной не славяно-русской основы слова, иначе трудно представить, как и почему русские «потеряли» свою же основу слова и стали воспроизводить разные варианты, да еще потребовалась метатеза.

А.А. Шенников, приводя ничем не обоснованное мнение П.Н. Черменского о тюркской принадлежности слова «хопер», склонился к выводу: слово «не происходит ни из славянских, ни тюркских языков и, вероятнее всего, является финно-угорским, восходящим к финноязычному населению, родственному позднейшей мордве, жившему в бассейне Хопра еще до прихода сюда тюрок [27, с. 13]. При этом он сослался на мнение А.В. Кожемякина [7]. А.В. Кожемякин обращает внимание на заселение Похоперьа мордвой, в том числе и обрусевшей, и выводил слово «хопер» из финно-угорского языка (начальная форма «копер»), что переводится, как «извилистая, «изгиб», «кривизна» (применительно к реке такая этимология вполне подходит. – В.Б.) [7, с. 81].

Нельзя не отметить замечание Б.А. Мусукова, М.З. Улакова и Л.Х. Махиева о том, что многие названия, закрепившиеся десятилетиями на языке оригинала, по-русски пишутся по-разному [13, с. 86], что в полной мере относится, как представляется, и к слову «хопер».

Подведем итоги. Требуются еще немалые усилия для выяснения значения слова Хопер. Славяно-русское же происхождение слова не бесспорно и маловероятно. Наиболее обоснованный вариант Е.С. Отина касается понимания лишь одного из многочисленных вариантов слова. Это есть не что иное, как попытка русскоязычного населения приспособить этот вариант к своему пониманию гидронима (при условии действительного существования метатезы и что эта перестановка звуков не произошла в самих списках-записях), но необъясненными остаются иные его трактовки. Понимание этимологии «хопер», как «притон диких гусей», с сомнением написанное В.И. Далем, вовсе не означало этимологию гидронима, а могло быть лишь подобие ассоциации – Хопер есть место, где много гусей и другой водоплавающей птицы. Финно-угорская же (мордовская) версия А.В. Кожемякина заслуживает пристального внимания.

Карачан. В отличие от предыдущих гидронимов гидроним Карачан с момента своего появления на исторической арене и до сих пор не подвергался изменениям. Тем не менее и он испытал на себе влияние этимологических вариабельностей.

Впервые упоминание о нем находим в сюжете, упоминаемом А.А. Шенниковым при описании ухажера некоего Ивашки Карачанского, относимого к концу XVI в. и находившегося в нижнем течении реки [27, с. 107-108]. «Карачанский» – прозвище человека, жившего на р. Карачан.

В.П. Загоровский выводил слово из тюркского языка: Карачан – «черная сторона» [6, с. 83]. Если первая часть слова «кара» является типичным для

тюркского языка, в том числе и чаще всего в значении «черный», то вторая часть «чан» по непонятным причинам каким-то образом оказалось тюркским словом «сторона», что не может быть принято. К тому же, «черная сторона» не согласуется с законами топонимики – определение страдает неопределенностью по отношению к гидрониму.

М.Н. Морозова, изучая топонимы Тамбовской области отмечает, что в области из 3107 топонимов 40 мордовских и более 30 тюркских. В списке тюркских присутствует и гидроним Карачан [11, с. 72-73]. Турецко-татарское «кага» в значении «черный» широко распространено в топонимике Северного Причерноморья [26, с. 26, 29, 45, 84]. Е.М. Поспелов в своем топонимическом словаре также связывает тюркское слово «кара» со значением «черный» – Каракол, Каракорум, Каракумы и др. [20, с. 134-135]. Е.Н. Шипова в словаре тюркизмов также приводит многочисленные примеры использования в русском языке тюркского слова «кара» в значении «черный» [28, с. 163-167]. Тюркское происхождение «кара» в ряде случаев признает и М. Фасмер [25, с. 194]. Е. Койчубаев, отмечая тюркскую принадлежность «кара» в значении (чаще всего) «черный», указывает также на тот факт, что, помимо своего основного значения, «кара» употреблялось также и в значении «земля», «грунт», «холм», «возвышенность», «гряда», «даль», «бескормица», «запад» и т.д. [9, с. 8].

П.А. Попов, следуя своим славяно-русским предпочтениям, попытался вывести значение слова из русского языка, нечто вроде «коротун» (короткий), посчитав букву «у» в словах «Карачан» и «Карачун» незначительным явлением. В результате «Карачан» мог быть и «Карачуном» («Корочуном»), а тот выводится из русского слова «коротун» в значении «короткий». При этом сразу же находится этому подтверждение: речка Карачан небольшая по протяженности в сравнении с Великой Вороной, в которую он впадал в древности [19, с. 90, 91].

Оставим в стороне вопрос о том, куда впадал Карачан, в Хопер (как доказал это А.А. Шенников) или в Великую Ворону, как полагает вслед за П.Н. Черменским П.А. Попов. Это в рассматриваемом вопросе не принципиально: и Хопер, и Великая Ворона имеют, конечно, куда большую протяженность по сравнению с Карачаном и другими притоками. Сейчас вопрос о другом, о замене одной буквы на другую. Напрашивается историческая аналогия, когда в советской историографии попытались сделать из русского слова «Рось» (небольшая речка, впадающая в Днепр) «Русь», заменив всего лишь одну букву «о» на «у». Дабы вывести происхождение руси, как народа не из Скандинавии, а из своего родного Поднепровья. Тогда лингвисты не признали такую замену, но их доводы никому не были нужны. Не знаю, как в данном случае они поступили бы, но уж как-то залихватски выглядит: вот просто так возьмем и заменим. Лингвистического же анализа, каким образом это возможно, нет.

И второе. Переделка Карачана в русское слово «короткий» и соответствующие ассоциации с этим также не выглядят убедительными. Такой ли уж короткий Карачан, чтобы эта особенность нашла яркое

отражение в этимологии гидронима? Вот для сравнения данные о протяженности рек, сопоставимых с протяженностью Карачана, протекающих в Воронежском крае: Токай – 131 км, Икорец – 97 км, Хава – 97 км, Хворостань – 79 км, Курлак – 78 км, Чигла – 75 км, Большая Алабушка – 61 км, Малая Алабушка – 25 км, Березовка (приток Икорца) – 83 км, Богучарка – 101 км, Карачан – 95 км (этот список можно без труда продолжить). Конечно, в сравнении с Хопром он небольшой по протяженности, но в Воронежском крае немало небольших рек и речушек, впадающих в большие реки и достаточно ли этого факта для этимологии «короткий»? Более, чем сомнительно.

В.А. Семушкин, исходя из того, что «кара» у тюрков означает «черный», а «чан» – сторона (откуда последнее соответствие автор не уточнил, видимо просто позаимствовал у В.П. Загоровского), пошел по пути географических ориентиров, запутав вопрос до основания. По его утверждению, гидроним реки Савала иранского происхождения («*suava*», осетинское «*sav*» – север) и означает «северная», т.е. текущая с севера на юг. «Кара» в сочетании с «чан» тоже указывает на направление течения параллельно течению Савалы. Заселяя Среднее Подонье позже иранских народов, турки «калькировали» гидроним «Савала» в виде «Карачан» (?) и перенесли его на ближайший объект (20–30 км восточнее Савалы) [23, с. 12]. Следуя этой выявленной «закономерности», подобный эксперимент должен был не раз повториться в виду того, что большинство рек в Воронежском крае текут как раз с севера на юг. Однако этого почему-то не произошло и дело ограничилось у В.А. Семушкина Карачаном.

П.А. Попов отмечает, что по В.А. Прохорову, в гидрониме сочетается «кара» – черный и «чан» – «яма», да только непонятно, почему именно р. Карачан решили назвать «ямой» [19, с. 90]. При этом, следуя тюркскому происхождению слова «Карачан», отметим, что тюркские топонимы в большинстве случаев двусоставные. Первый элемент является обычно прилагательным (в нашем случае «кара» – черный), второй служит нарицательным географическим термином [13, с. 81]. Надо сказать, что именно вторая часть слова «чан» явилась камнем преткновения в определении этимологии слова «карачан», что видно по недоумению П.А. Попова и не только его.

М. Фасмер выводил слово «чан» из древнерусского, ссылаясь на древнерусское «дъщанъ» (от слова «доска»), критикует мнение о тюркском происхождении «чан» – большая кадка, потому что татарское *çan* («большая кадка») заимствовано из русского» [25, с. 314]. Из русского же, по В.И. Далю, «чан» – «обручная посуда, кадка большого размера» [4, с. 581]. Между тем, в словаре тюркизмов слово «чан» названо тюркизмом, т.е. словом, попавшем в русский язык из тюркского [28, с. 376].

В поисках этимологии слова «чан», как нарицательного географического термина, сошлемся на два верных замечания П.А. Попова. Первое: в поисках ответов на вопросы топонимики необходимо следовать комплексному подходу. Второе: в ряде случаев

географические характеристики рекам давались по ее характерным участкам, и нередко в устьевой их части. Последнее замечание не относится исключительно к гидронимам со славяно-русскими названиями. Часто авторы, разбирая те или иные названия топонимов, учитывают географию лишь в кабинетном варианте работы. Между тем, не только работа над географическими картами, но и личное посещение географического объекта зачастую помогает решить вопрос в пользу той или иной его этимологии.

Сказанное в полной мере относится к р. Карачан. Автору статьи не раз приходилось бывать на различных участках речки. В своем верхнем и среднем течении речка ничем не отличается от многих похожих – ни течением, ни характером поймы, ни другими географическими признаками. Но ситуация кардинально меняется в нижнем течении реки, начиная от с. Верхний Карачан и далее до с. Васильевка, вплоть до впадения Карачана в Хопер. У с. Верхний Карачан правый и левый берега становятся крутыми и высокими, пойма заметно расширяется. Высота берегов реки достигает максимально до 65–70 м, в среднем, составляя от 35 до 50 м. Стоя на высоком берегу Карачана в с. Верхний Карачан понимаешь, при чем тут «чан» (в значении «яма», «котел» или русское «кадка»). С берега реки видится большая чаша, образованная поймой реки и высокими берегами. До сих пор в пойме нижнего течения р. Карачан местами растет кустарник, небольшие лески. В пойме с. Верхний Карачан расположены сегодня дома карачанцев и огороды с садами. И в вечернее или утреннее время эта пойма действительно смотрится как огромная черная яма. Именно в таком значении предлагаем рассматривать этимологию слова «Карачан».

Выводы

Затронутый П.А. Поповым вопрос о необходимости пересмотра в ряде случаев укоренившихся этимологий гидронимов Воронежского края показывает необходимость активизации работы по изучению не только гидронимов, но и всей топонимики края. Причем, такая работа требует, безусловно, комплексного подхода к проблеме с использованием данных истории, географии и лингвистики. Если с историей и географией в этом плане дело обстоит сносно, то лингвистических данных специалистов в этой области знаний явно не хватает. В этой работе важно не проявлять категоричность суждений и устанавливать «победителей» в том или ином вопросе этимологических соответствий, поскольку географические названия далеко не всегда дают основу для однозначных суждений и выводов, а с вариативностью этимологий еще долго придется мириться. Затронутые варианты этимологий гидронимов Хава, Хопер, Карачан недвусмысленно об этом свидетельствуют.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Арязмова О.В. Языковая норма и ее роль в организации литературно-художественного древнерусского дискурса // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (279). С. 108–111.
2. Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. 232 с.
3. Вагнер Б.Б. Карта рассказывает. Топонимико-краеведческий словарь. М. : Книга по требованию, 2014. 764 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1866. Т. 4. 712 с.
5. Загоровский В.П. Верхняя Тишанка. Как произошли названия // Заря. 1973. 10 февраля.
6. Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж : ВГУ, 1973. 136 с.
7. Кожемякин А.В. К вопросу о гидрониме Хопер // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1982. С. 80–83.
8. Крюкова И.В., Супрун В.И. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 75–85.
9. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1974. 274 с.
10. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М. : Наука, 1999. 160 с.
11. Морозова М.Н. Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей // Вопросы географии. 1966. № 70. С. 72–75.
12. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974. 382 с.
13. Мусуков Б.А., Улаков М.З., Махиева Л.Х. Лексико-семантические особенности тюркских географических названий и апеллятивных лексем // Филологические науки. Изв. Кабардино-Балкарского центра РАН. 2021. № 4 (102). С. 80–89.
14. Небольсин М.Н. Хава и ее маленький сын // Подъем. 2012. № 7. С. 224–226.
15. Небольсин М.Н. Новая Усмань в истории царства русского. Воронеж : Воронеж. обл. тип., 2022. 120 с.
16. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. : Мысль, 1966. 508 с.
17. Отин Е.С. Хопер // Русская речь. 1973. № 1. С. 142–144.
18. Попов П.А. Воронеж : древнее слово и древние города, а также древние леса и древние реки России. Воронеж : Кварта, 2014. 608 с.
19. Попов П.А. Историческая топонимика Воронежского края в контексте топонимики России: этапы развития и проблемы // Проблемы социальных и гуманитарных наук. История. Философия. Социальные и политические процессы. Вып. 3 (36). Воронеж, 2023. С. 78–98.
20. Поспелов Е.М. Топонимический словарь. М. : Астрель. Аст, 2005. 229 с.
21. Поспелов Е.М. Географические названия России : топонимистический словарь. М. : Аст-Астрель, 2008. 523 с.
22. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля : краткий историко-топонимический словарь. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1973. 368 с.
23. Семушкин В.А. Гидронимия Среднего Дона : номинационный и словообразовательный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 22 с.
24. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Вып. I–IV. 1884–1886. Вып. I. Воронеж, 1884. 314 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 4. 672 с.
26. Хамуркопаран Джахит. Взаимодействие тюркских и славянских языков в топонимии Северного Причерноморья : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 254 с.
27. Шенников А.А. Червлёный яр. Исследование по истории и географии XIV–XVI вв. Ленинград : Наука. Ленинское отделение, 1987. 139 с.
28. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1973. 443 с.

References

1. Arzyamova, O.V. (2018) *Yazykovaya norma i ee rol' v organizatsii literaturno-khudozhestvennogo drevnerusskogo diskursa* [The linguistic norm and its role in the organization of literary and artistic Old Russian discourse]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (279), 108–111. (In Russian)
2. Bolkhovitinov, E. (1800) *Istoricheskoe, geograficheskoe i ekonomicheskoe opisaniye Voronezhskoi gubernii* [Historical, geographical and economic description of the Voronezh province]. Voronezh. 232 p. (In Russian)
3. Vagner, B.B. (2014) *Karta rasskazyvaet. Toponimiko-kraevedcheskii slovar'* [The map tells. Toponymy-a dictionary of local lore]. Moscow, Kniga po trebovaniyu publ., 764 p. (In Russian)
4. Dal', V.I. (1866) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 volumes]. Moscow. Vol. 4. 712 p. (In Russian)
5. Zagorovskii, V.P. (1973) *Verkhnyaya Tishanka. Kak proizoshli nazvaniya* [Upper Tishanka. How the names came about]. *Zarya*. 10 fevralya. (In Russian)

6. Zagorovskii, V.P. (1973) *Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraia* [Historical toponymy of the Voronezh region]. Voronezh, VGU publ. 136 p. (In Russian)
7. Kozhemyakin, A.V. (1982) K voprosu o gidronime Khoper [On the issue of the hydronym Hopper]. In: *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu*. Voronezh, pp. 80–83. (In Russian)
8. Kryukova, I.V., Suprun, V.I. (2004) K istoriko-lingvisticheskomu izucheniyu donskoi gidronimii [On the historical and linguistic study of the Don hydronymy]. *Voprosy onomastiki*. (1), 75–85. (In Russian)
9. Koichubaev, E. (1974) *Kratkii tolkovyi slovar' toponimov Kazakhstana* [A short explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan]. Alma-Ata, «Nauka» publ. Kazakhskoi SSR. 274 p. (In Russian)
10. Medvedev, A.P. (1999) *Rannii zheleznyi vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tys. do n.e.* [The Early Iron Age of the forest-steppe region. Archaeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC]. Moscow, Nauka publ. 160 p. (In Russian)
11. Morozova, M.N. (1966) Sopostavitel'noe izuchenie toponimii Kaluzhskoi i Tambovskoi oblasti [Comparative study of toponymy of Kaluga and Tambov regions]. *Voprosy geografii*. (70), 72–75. (In Russian)
12. Murzaev, E.M. (1974) *Ocherki toponimiki* [Essays on toponymy]. Moscow, Mysl' publ. 382 p. (In Russian)
13. Musukov, B.A., Ulakov, M.Z., Makhieva, L.Kh. (2021) Leksiko-semanticheskie osobennosti tyurkskikh geograficheskikh nazvaniy i apelativnykh liksem [Lexical and semantic features of Turkic geographical names and appellative lexemes]. *Filologicheskie nauki. Izv. Kabardino-Balkarskogo tsentra RAN*. (4) (102), 80–89. (In Russian)
14. Nebol'sin, M.N. (2012) Khava i ee malen'kii syn [Hava and her little son]. *Pod'em*. (7), 224–226. (In Russian)
15. Nebol'sin, M.N. (2022) *Novaya Usman' v istorii tsarstva russkogo* [A new Usman in the history of the Russian kingdom]. Voronezh, AO «Voronezh. obl. tip.». 120 p. (In Russian)
16. Nikonov, V.A. (1966) *Kratkii toponimicheskii slovar'* [A short toponymic dictionary]. Moscow, Mysl' publ. 508 p. (In Russian)
17. Otin, E.S. (1973) Khoper [The hopper]. *Russkaya rech'*. (1), 142–144. (In Russian)
18. Popov, P.A. (2014) *Voronezh: drevnee slovo i drevnie goroda, a takzhe drevnie lesa i drevnie reki Rossii* [Voronezh: ancient word and ancient cities, as well as ancient forests and ancient rivers of Russia]. Voronezh, Kvarta publ. 608 p. (In Russian)
19. Popov, P.A. (2023) *Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraia v kontekste toponimiki Rossii: etapy razvitiya i problemy* [Historical toponymy of the Voronezh Region in the context of toponymy of Russia: stages of development and problems]. In: *Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk. Istoriya. Filosofiya. Sotsial'nye i politicheskie protsessy*. 3 (36). Voronezh, pp. 78–98. (In Russian)
20. Pospelov, E.M. (2005) *Toponimicheskii slovar'* [Toponymic dictionary]. Moscow, Astrel'. Ast publ. 229 p. (In Russian)
21. Pospelov, E.M. (2008) *Geograficheskie nazvaniya Rossii: toponimicheskii slovar'* [Geographical names of Russia: toponymic dictionary]. Moscow, Ast-Astrel' publ. 523 p. (In Russian)
22. Prokhorov, V.A. (1973) *Vsya Voronezhskaya zemlya: kratkii istoriko-toponimicheskii slovar'* [The whole Voronezh land: a short historical and toponymic dictionary]. Voronezh, Tsent-Chernozem. kn. izd-vo. 368 p. (In Russian)
23. Semushkin, V.A. (2000) *Gidronimiya Srednego Dona: nominatsionnyi i slovoobrazovatel'nyi aspekty*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The hydronymy of the Middle Don: nominational and word-formation aspects. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh. 22 p. (In Russian)
24. *Ukazatel' khramovykh prazdnestv v voronezhskoi eparkhii* (1884) [Index of temple celebrations in the Voronezh diocese]. Vyp. I–IV. Vyp. I. 1884–1886. Voronezh. 314 p. (In Russian)
25. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes]. Moscow, Progress publ. Vol. 4. 672 p. (In Russian)
26. Khamurkoparan, Dzhakhit (2017) *Vzaimodeistvie tyurkskikh i slavyanskikh yazykov v toponimii Severnogo Prichernomor'ya*. Diss. kand. filol. nauk [The interaction of Turkic and Slavic languages in the toponymy of the Northern Black Sea region]. Moscow. 254 p. (In Russian)
27. Shennikov, A.A. (1987) *Chervlenyi yar. Issledovanie po istorii i geografii XIV–XVI vv.* [Scarlet yar. A study on the history and geography of the XIV–XVI centuries]. Leningrad, Nauka publ. Leninskoe otdelenie. 139 p. (In Russian)
28. Shipova, E.N. (1973) *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata, «Nauka» publ. Kazakhskoi SSR. 443 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 31.01.2024

Подписана в печать 28.03.2024

Original article
UDC 908
DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_122

IN THE PROTECTION OF THE HYDRONYMS OF THE VORONEZH REGION NOT
OF SLAVIC-RUSSIAN ORIGIN

Valeriy D. Berezutskiy¹

Voronezh State Pedagogical University¹
Voronezh, Russia

---

¹*Cand. Histor. Sci., Docent of the Department of Russian History,*
ORCID ID: 0000-0001-8336-62-83, tel.: (473) 255-14-78, e-mail: berezytski1@rambler.ru

---

Abstract. Toponymy, and within its framework, hydronymy, are the most important tool for understanding the historical past of the region by deciphering toponyms (hydronyms) that provide information about the ethnic groups that inhabited the region in ancient times. There are many difficulties along this path, which must be overcome with the help of an integrated approach – using the achievements of history, geography and linguistics. Recently, interest in the hydronyms of the Voronezh Region has increased. It is associated with the revision of established views on the etymology of a number of hydronyms towards the search for Slavic-Russian etymologies instead of the established Iranian-speaking, Finno-Ugric, Turkic correspondences. Indeed, a number of typically Russian words in the names of hydronyms were unjustifiably treated by researchers to foreign language bases (Voronezh, Usman, Tishanka, etc.). And such a review is justified and necessary. At the same time, this work should not lead to unnecessarily categorical judgments in the direction of necessarily Slavic-Russian correlation of the etymology of the hydronym, especially where the etymology of the hydronym is controversial and the Slavic-Russian correspondences are not at all obvious. The hydronyms of the Voronezh Region – Khava, Khoper, Karachan – are considered as such non-obvious etymologies.

Key words: Voronezh Region, toponymy, hydronyms, history, geography, linguistics, etymology, Turks, Iranian-speaking tribes, Finno-Ugric peoples, Slavic-Russian correspondences.

Cite as: Berezutskiy, V.D. (2024) In the protection of the hydronyms of the Voronezh region not of Slavic-Russian origin. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 122–130. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_122.

Received 31.01.2024
Accepted 28.03.2024